

Леля уперлась в необходимость навестить дочь после работы. Не то чтобы Улим возражал, но имел на этот счет некоторые сомнения:

- Ты уверена, что не сорвешься?

- Уль, она болеет, понимаешь? Мы должны встретиться с ней. Хотя бы на пару минут, - брюнетка взволнованно наворачивала круги по его кабинету, выискивая что-то в планшете. - Я так хочу увидеть свою маленькую девочку.

- Похвально, - согласился тот.

Мужчину немного шокировало отстраненное отношение сына. Если бы он сегодня не позвонил, то даже не узнал о столь бедственном положении дочери.

- Как думаешь, стоит брать варенье? - размышляла вслух Леля.

- Зачем?

- Для чая от простуды.

- Я не знаю, что с ней. Аск не уточнял. Да и кто в такую жару будет гонять чай с вареньем?

Чем озадачил жену.

- Купи фруктов, и дело с концом, - посоветовал тот и уткнулся в рабочий экран.

- Такое чувство, будто тебе все равно.

- Не все равно! - ответил мужчина куда резче, чем хотел.

С дочкой они не общались почти две декады. Точнее, она с родителями. Отец с матерью тоже не спешили идти на контакт, давая той возможность позвонить первой. И теперь сожалели о выборе данной тактики.

- Наверное, надо было пригласить их на вечеринку в честь события? А то как-то странно получилось, - тоскливо вздохнула женщина.

Улим понял, что спокойно поработать ему не дадут. Поэтому свернул все окна, чтобы не отвлекали от беседы, и с наслаждением потянулся в кресле:

- Как будто мы тогда планировали брать Даню с мелкими.

- Могли бы позвать Аска с Сандрой.

- В последний момент? Мол, мы тут планировали отпраздновать релизы и вдруг решили позвать вас. Приезжайте час назад, и чтобы без опозданий.

- Ты преувеличиваешь.

- Нет, я знаю свою дочь. Такое отношение Сандра воспринимает, как грубое оскорбление. Тем более, если бы приехала и увидела других гостей. Ты знаешь, кого я имею в виду.

Леля вздохнула и завела очередной длинный монолог о том, как бы она хотела увидеться со своими детками.

Тогда как Улиму в который раз за день захотелось побиться головой о что-то твердое. Раздражали даже не слова супруги, а ее отношение. Вот она распиналась перед ним, перед психологом, корила себя мысленно и выглядела донельзя несчастной. А объект ее терзаний понятия не имел обо всех этих муках и раскаянии.

Такое поведение имело коэффициент полезного действия не более, чем у швыряния камней в болото. По факту Леля тешила совесть, тогда как дочь все так же не получала и малейшей толики внимания от матери.

Да и отца тоже. С его стороны данное поведение имело вполне резонные основания. Или он так считал.

Пока дражайшая супруга распиналась в трагическом монологе, он заказал корзину с фруктами. Больше ничего толкового в голову не приходило.

*

Минут через двадцать Улим не выдержал:

- Лель, хватит!

- Но я...

- Что? Толка от твоих причитаний нет. Прости, я знаю, что тебе нужно выговориться. Но не каждый же день. Мы для этого платим психологу.

Женщина хлопнула ртом. Супруг очень редко позволял себе резкую критику в адрес ненаглядной жены.

- Лучше бы позвонила или написала Сандре. Но нет, ты будешь трепать нервы всем окружающим. Давай, напиши ей, повтори все, что только что говорила. Готов поспорить, это будет куда полезнее, чем впустую чесать языком.

Вместо ответного скандала Леля уселась в кресло для посетителей и уткнулась взглядом в колени.

Она прекрасно понимала, что все эти репетиции оставались бессмысленными без нужных зрителей. Распинаться перед мужем и подругой было скорее лицемерием и способом показать окружающим, что она хоть что-то стоит, как мать.

Психолог сказала об этом еще на первом сеансе. Неприятно, но вот она правда. Возражений у нее не было, лишь стыд и благодарность к любимому человеку, который постоянно терпел заскоки и во всем поддерживал.

- Лелечка, - Улим подошел и мягко приобнял супругу. - Прости.

- Ничего. Ты прав, - хмыкнула она. - Это я должна просить прощения.

- Ты ведь не сорвешься сегодня? Хотя бы не при Сандре, - мужчина помог ей встать, мягко придерживая за локоть, и заглянул в глаза.

- Все в порядке. Я отдаю отчет тому, что делаю.

- А тому, что говоришь?

- Постараюсь, - не так уверенно прошептала Леля. - Может, лучше ты будешь говорить? А я помолчу.

- Мы можем зайти всего на минуту. Проведать ее.

- Их.

Улим хотел было что-то добавить на это исправление, но лишь мотнул головой:

- Собирайся. Я заказал гостинцы. Сейчас подъедет курьер.

- Что ты выбрал?

- Фрукты.

- И все?

- Это просто повод, Лель, - вздохнул он. - Мне кажется, Сандре сейчас все равно.

*

Узнать, что думали дети, им не удалось. Как и попасть к ним в гости.

По приезду на съемное жилье сына никого дома не оказалось. Что не удивительно - на двери была стандартная риэлтерская наклейка. Ломиться в пустой дом было бессмысленно и глупо.

Женщина растерянно хлопала глазами, в который раз перечитывая краткую арендную информацию на объявлении.

Тем временем Улим успел мысленно выматериться и набрать Шуру. На этот раз оператор оповестил его безрадостным внесением в черный список.

- Лель, дай свой комм. Я не могу дозвониться к Сандре, - попросил он, и получил устройство.

Но жена так же оказалась персоной нон грата.

- Она снова внесла нас в игнор, - обрадовал мужчина супругу.

- Что насчет Аска?

- Набери его, - Улим вернул коммуникатор. - С тобой он общается намного лучше.

- Хочешь сказать, что они переехали, и никому ничего не сказали?

- Вот и узнаешь.

Ругаться на грубость мужа Леля не стала, вызванивая пасынка. Тот принял звонок далеко не сразу и далеко не в лучшем расположении духа.

- На связи, - гаркнул он низким гнусавым голосом.

- Где вы? Мы приехали к вам, а тут висит табличка, что дом сдается в аренду. Вы переехали?

Парень ответил спустя секунд десять не раньше:

- Теть Лель, мы сейчас не ждем гостей. Аля не в лучшем состоянии. И я не хочу, чтобы ее лишний раз беспокоили.

- Мы переживаем вообще-то.

- Вы не вовремя, - вздохнул тот и безапелляционно распрощался с матерью.

Леля хлопнула глазами и уставилась на экран с по-хамски завершенным вызовом.

- Кажется, они не хотят нас видеть, - объяснила она мужу.

Как будто он сам не догадался.

Торчать на месте было бессмысленно. Улим совершил попытку дозвониться до приемного сына, заранее зная, что та не увенчается успехом. После чего вызвал такси и повез раскисшую супругу домой.

Лишь на седьмой день амнезии Аску удалось совершить свой первый прорыв. Тот так обрадовался произошедшему, что случайно вышел из транса и проснулся.

Вместе с ним подскочила и чувствительная Шура.

За последние дни она научилась жить, используя интуицию и сенсорику, как замену личного опыта. Даже в переписках со знакомыми как-то умудрилась отбрехаться.

- Что случилось? - сонно пробормотала девушка.

- Ты что-то почувствовала?

- Да. Твой вопль. Ты кричал во сне.

- Это был твой сон? Я был в твоём сне? - с надеждой спросил он.

- Нет. Это была вот эта комната. Ты кричал своим ртом.

- М-м-м, - разочарованно прогундосил Аск и плюхнулся обратно на подушку. - Мне показалось, что я совершил прорыв, - и отчаянно зевнул. - Попытаюсь еще. Засыпай поскорее.

- Спасибо. Теперь точно не усну, - пробормотала Шура.

Минуту спустя она тихо сопела.

*

Парень понял, что именно сделал, и, как это повторить. Заминка возникла именно в повторении.

Советы наставницы оказались целиком и полностью верными. Дело было в ощущениях и том самом прорыве невидимого барьера. Права она оказалась и в собственных сожалениях о том, что ученик слишком много знал.

Проблема заключалась в отношении к прорыву. Аск знал, что момент перехода - это состояние, а не место. Именно это служило основным стопором. Его собственный дух не давал выйти за пределы духовного мирка так же, как абсолютные рефлекс тела не давали человеку суициднуться. Непластичное астральное тело не желало признавать тот факт, что оно видится меняется, а простейшая новичковая догма прохождения через барьер больше не работала.

Выходило, что он застрял между двумя этапами развития данного навыка.

Утешало то, что разок преодолеть эту грань у него как-то вышло. И вполне себе сознательно. Значит, все было не напрасно. Он пытался вновь и вновь, учился гибкости и пластичности - в этом был ключ к Пограничью.

Способности сестры теперь тоже стали более понятными. Внешне текучая и изменчивая словно сновидение она не могла оставаться на одном месте и в одной форме. В постоянном движении была ее сущность. Тогда как внутреннее психическое состояние компенсировало это хрупкостью и медленной адаптацией. Поэтому эмоционально реагировала на мелочи и не желала менять детский характер.

*

Еще пару дней у Аска заняли попытки проникнуть в духовный мир Шуры, на этот раз направленные, с осознанием механизма перехода и того, что и как следовало делать.

Наконец-то ему это удалось.

Парень глазам своим сияющим не мог поверить, что перед ним тот самый Океан Событий, редкие странные спутники и телесное воплощение маленькой сводной сестренки. И знаменитая груда хлама. Куда без нее?

Первым делом он осмотрел тело. Внешне с ним все было в порядке.

Еле удержавшись от вожделенного прикосновения, Аск направился к северному полюсу. И, мягко говоря, опешил от увиденного.

Еще на подлете к Якорю становилось ясно, почему приключилась беда с амнезией. Океан Событий вел себя нехарактерно. Волны до того бесформенные и хаотичные расходились от южного полюса. Чем ближе к верхней точке, тем мельче те становились, превращаясь на северном полюсе в безмятежный штиль.

Понять механизм данного явления парень не мог. Даже не знал, каким именно образом Океан сохранял и проявлял воспоминания.

Зато причину искажения он выяснил без каких-либо сомнений. Это был Якорь. Та самая стрела, что глубоко вонзилась в Ядро духовного пространства.

Верхний модуль Маяка Аск успешно выдрал при помощи грубой силы. О чем свидетельствовало отсутствие данной части плетения. Это и являлось причиной неполадок.

Ввершина Якоря вела себя непредсказуемо и буквально расплелась, фонтаном рассыпая повсюду длинные нити-потоки. Божественная сила чар была настолько прочной и могущественной, что вмиг приводила в состояние порядка все, чего касалась. В данном случае это был Океан Событий.

Парень взвыл от досады.

Он не знал, остались ли утерянные воспоминания сестры и вернутся ли когда-то. Что хуже, он не знал, сможет ли убрать данные нити.

- Сраная больная тварь!!! - в ярости заорал Аск, адресуя послание создателю плетения. И добавил тише: - Молодец, Аск Горисеч. Потрясающий ход. Красавец драный. Блять. Лучше бы я не совал свой шнобель, куда не просят.

Осторожно подлетев к вершине Якоря, он принялся осматривать модули, из которых тот состоял. С этого и стоило бы начать взлом, а не с бездумного "Аск крушить!".

К его удивлению, формулы были узнаваемы, как и начертания слов вечного языка. Парень сам себе поражался, находя структуру и смысл в, как ему казалось, сложнейшем божественном творении.

- То есть ты просто крепкий, и все!? - воскликнул он вслух, в очередной раз уворачиваясь от длинных эфирных нитей. - Так твой создатель не только больной, но и тупой? Хотя одно другого не исключает.

Смысл формул касался субъективных понятий. Автор Якоря оперировал не привычными физическими терминами, а скорее собственным восприятием мира. И то было довольно узконаправленным.

Один факт, что само плетение привязывалось к духовному ядру, вместо того чтобы повесить Аркан на тело, говорил о том, что физической части мира создатель уделял мало внимания, или же вовсе пренебрегал его наличием. Словно родился бестелесным и бесформенным.

Аск вспомнил слова сестры о неких полиморфах, которые не имели при рождении постоянной формы. Психологически они сильно отличались от существ, наделенных стабильным телом.

Невольно он отвлекся, создавая очередной тренировочный сценарий и применяя на него особенности создателя Якоря. Но быстро пришел в себя и продолжил изучать построение модулей.

<http://tl.rulate.ru/book/22567/1675310>